

КЕРАМИКА ЧЖУРЧЖЭНЕЙ ПРИМОРЬЯ

Евгения Ивановна ГЕЛЬМАН,
кандидат исторических наук

Введение. Археологические исследования чжурчжэньских памятников в Приморье продолжают уже в течение многих десятилетий. Тем не менее итоги этих работ показали, что раскопки велись, за небольшим исключением, преимущественно на памятниках эпохи Восточного Ся (1215—1233) — горных городищах Приморья, немногочисленных долинных городищах и поселениях. Хорошо изученным оказался очень важный, но весьма непродолжительный период времени из истории чжурчжэней Приморья (Ивлиев, 1993).

Так же интенсивно многие годы изучались памятники бохайского времени (VIII—X вв.). В последние десятилетия существенно расширились географические рамки археологических исследований, что позволило более четко представить границы государства Бохай в его восточной части, выделить в ряде случаев памятники, существовавшие в постбохайский период, по меньшей мере во второй половине X в.

В итоге белым пятном в средневековой археологии Приморья остался во многом период с конца X в. до XII в. включительно, собственно время формирования чжурчжэньского этноса, становления и наибольшего расцвета его государственности на этой территории. Вместе с тем в последнее десятилетие в процессе археологических разведок был выявлен, но остался недостаточно исследованным ряд памятников, перспективных для изучения слабо известного в дальневосточной археологии периода истории чжурчжэней Приморья.

Основанием для выделения таких памятников, как это часто бывает в археологии, стал самый многочисленный материал — керамика. Впервые керамика чжурчжэней Приморья XI—XII вв. была выделена автором при работе с коллекцией Николаевского городища Партизанского района в 1997 г., что и нашло отражение в отчете автора раскопок (Никитин, 1997). Позже были получены аналогичные материалы и на других памятниках, что позволило сделать некоторые обобщения. Часть коллекций, рассмотренных в настоящей работе, происходит из разведочных шурфов и раскопов, а часть является подъемными сборами. Последнее обстоятельство вносит некоторые ограничения при интерпретации полученных материалов, но тем не менее подъемный материал, отражая процесс формирования культурного слоя (Гуляев, 1990:102), дает возможность решать ряд важных задач:

- получить представление об особенностях ранее неизвестного керамического материала;
- картировать памятники, на которых он встречался, а значит очертить предварительно границы распространения такого материала;
- выделить типы памятников, на которых был собран керамический материал, отнесенный к археологической культуре чжурчжэней Приморья XI—XII вв.

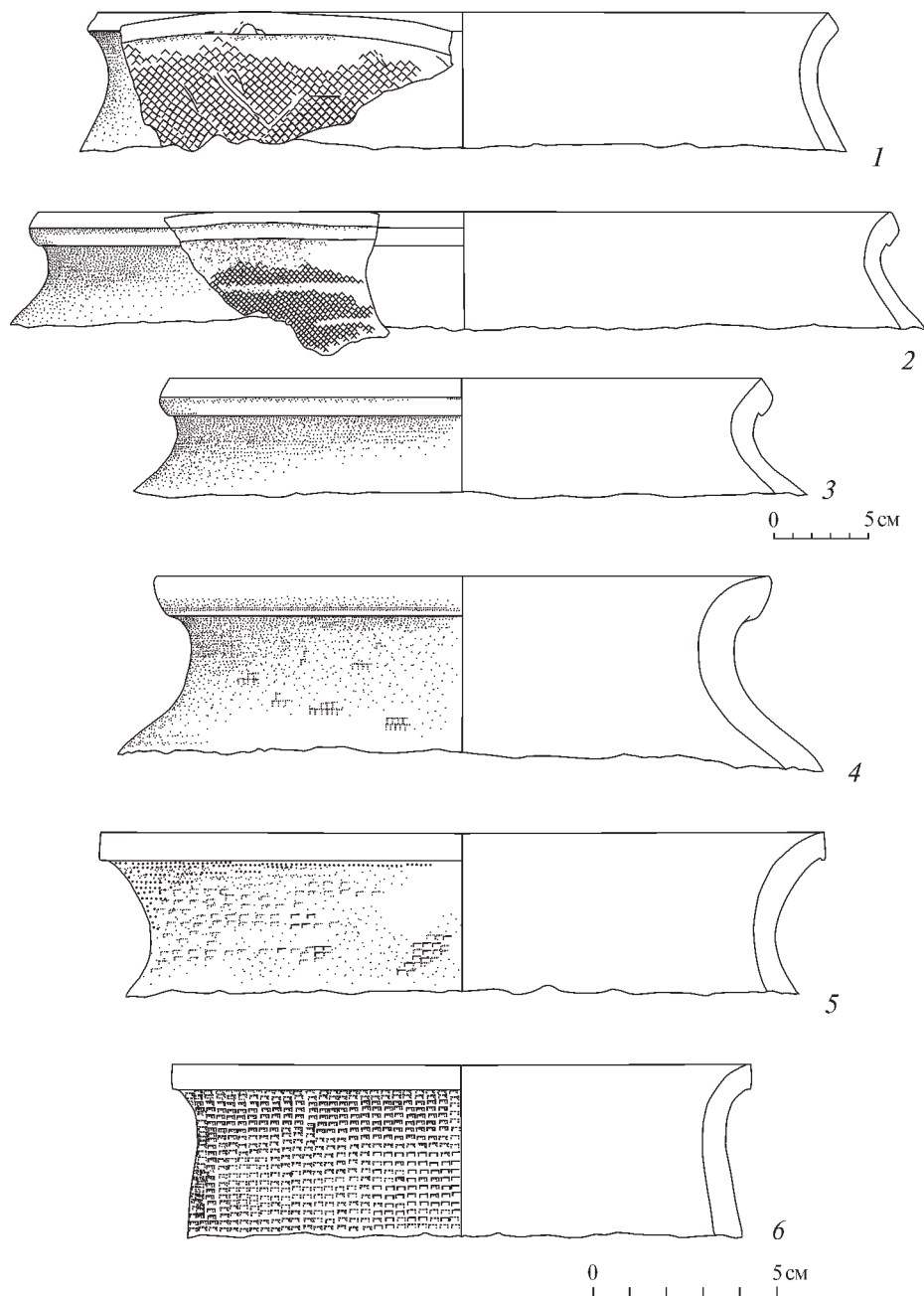

Рис. 1. Керамика со следами «вафельной» выбивки из Николаевского городища: 1—6 — верхние части сосудов.

Источники. При написании работы были использованы керамические коллекции шести памятников, обследовавшихся в 1996—2003 гг.: Николаевского городища (Партизанский район), Смольнинского городища и поселения Анутино-27 (Анучинский район), Стеглянухинского городища (Шкотовский район), городищ Павловка-2 и Чугуевское (Чугуевского района).

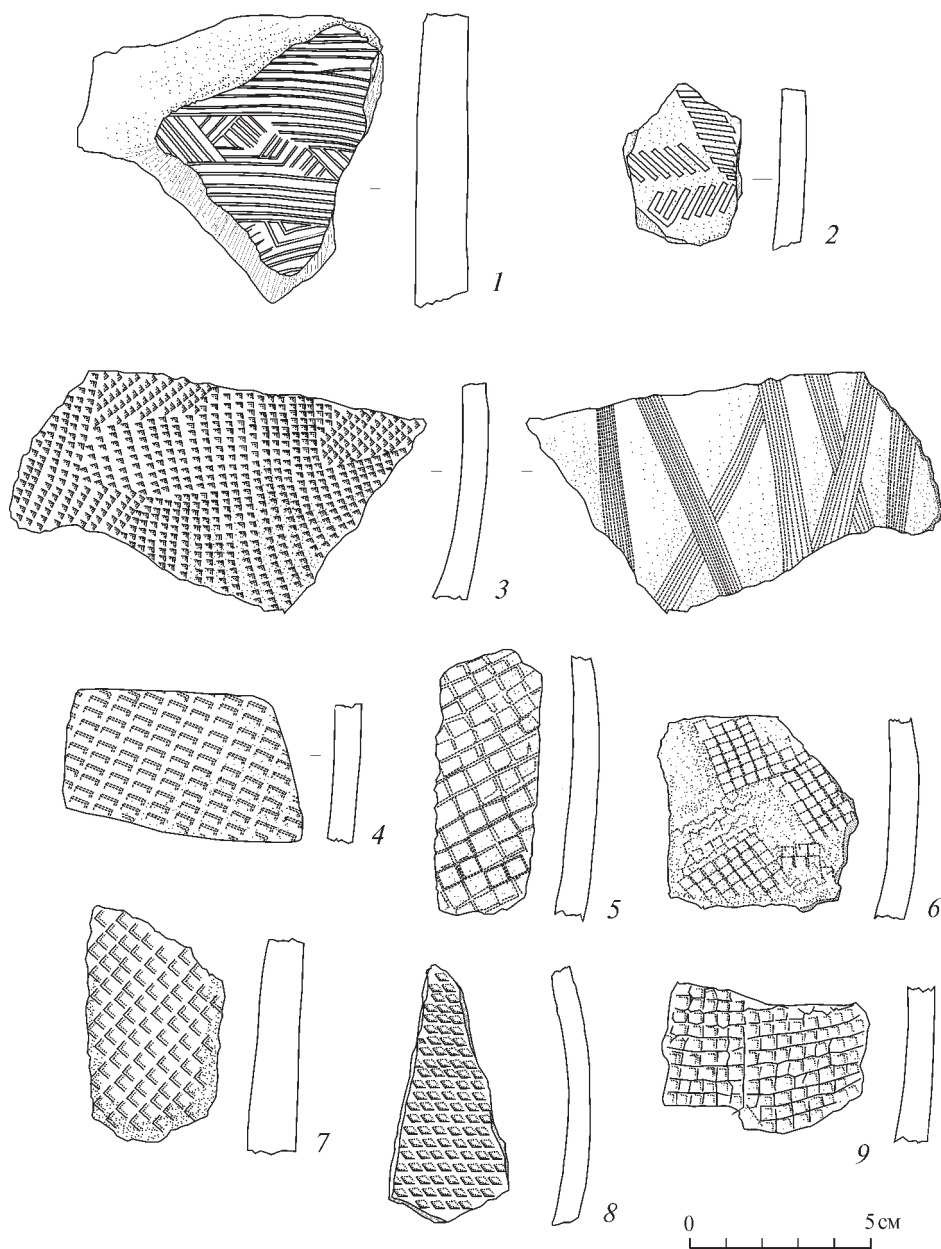

Рис. 2. Керамика со следами «вафельной» выбивки из Николаевского городища: 1—5 — верхние части сосудов, 6 — фрагмент крышки, 7—9 — фрагменты доньшек пароварок.

Первая представительная коллекция керамики, позволившая выделить ее в особую группу и отнести к периоду между бохайской археологической культурой и культурой чжурчжэней эпохи Дун Ся, была получена во время археологической разведки Ю.Г. Никитиным в 1997 г. на территории многослойного памятника Николаевского городища Партизанского района в долине р. Партизанской (Сучан). Основу коллекции составили хорошо идентифицируемые 123 фрагмента, из которых 69 (56%) были получены из разведочного раскопа

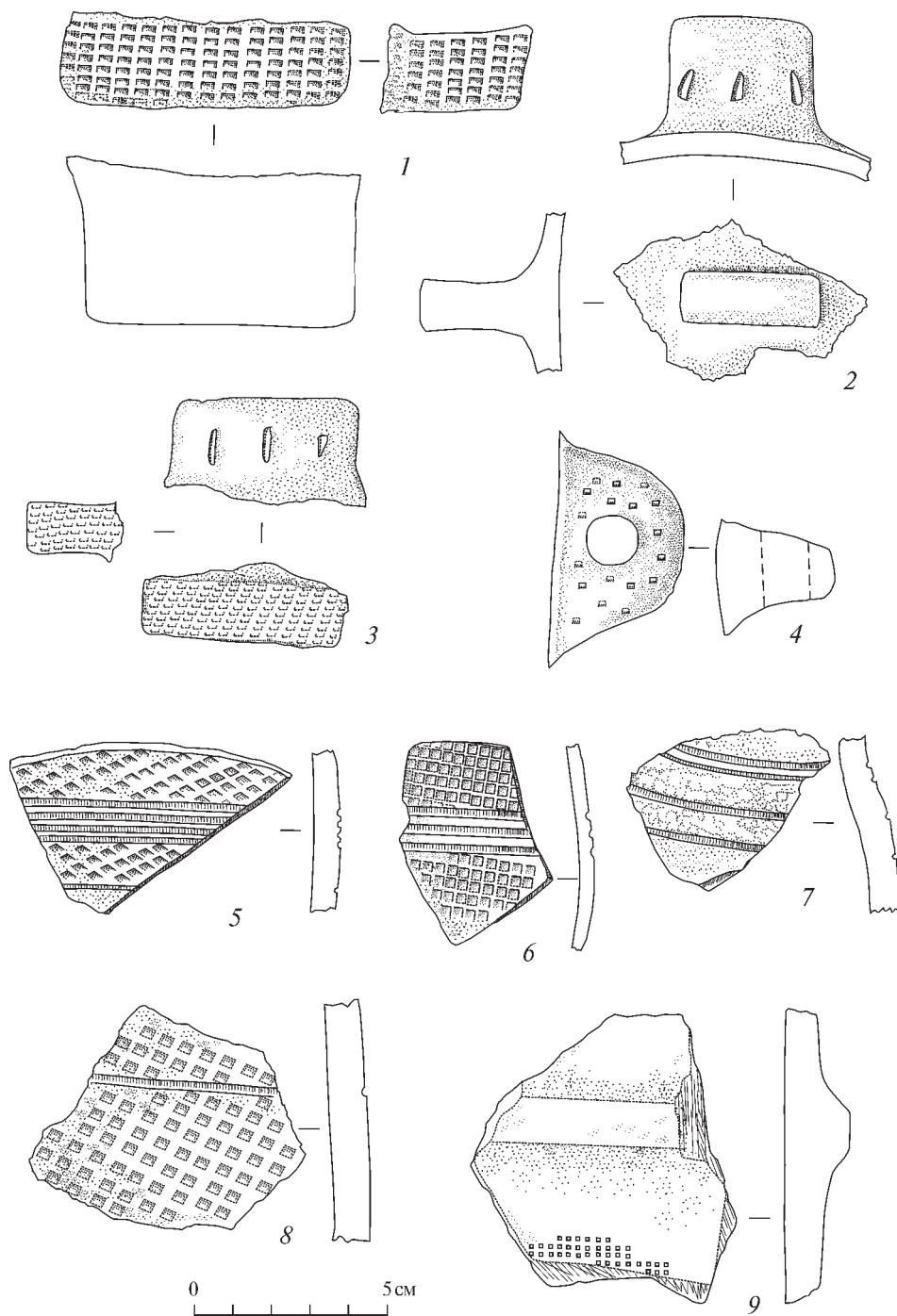

Рис. 3. Керамика со следами «вафельной» выбивки из Николаевского городища:
1—4 — ручки, 5—9 — фрагменты орнаментированных стенок.

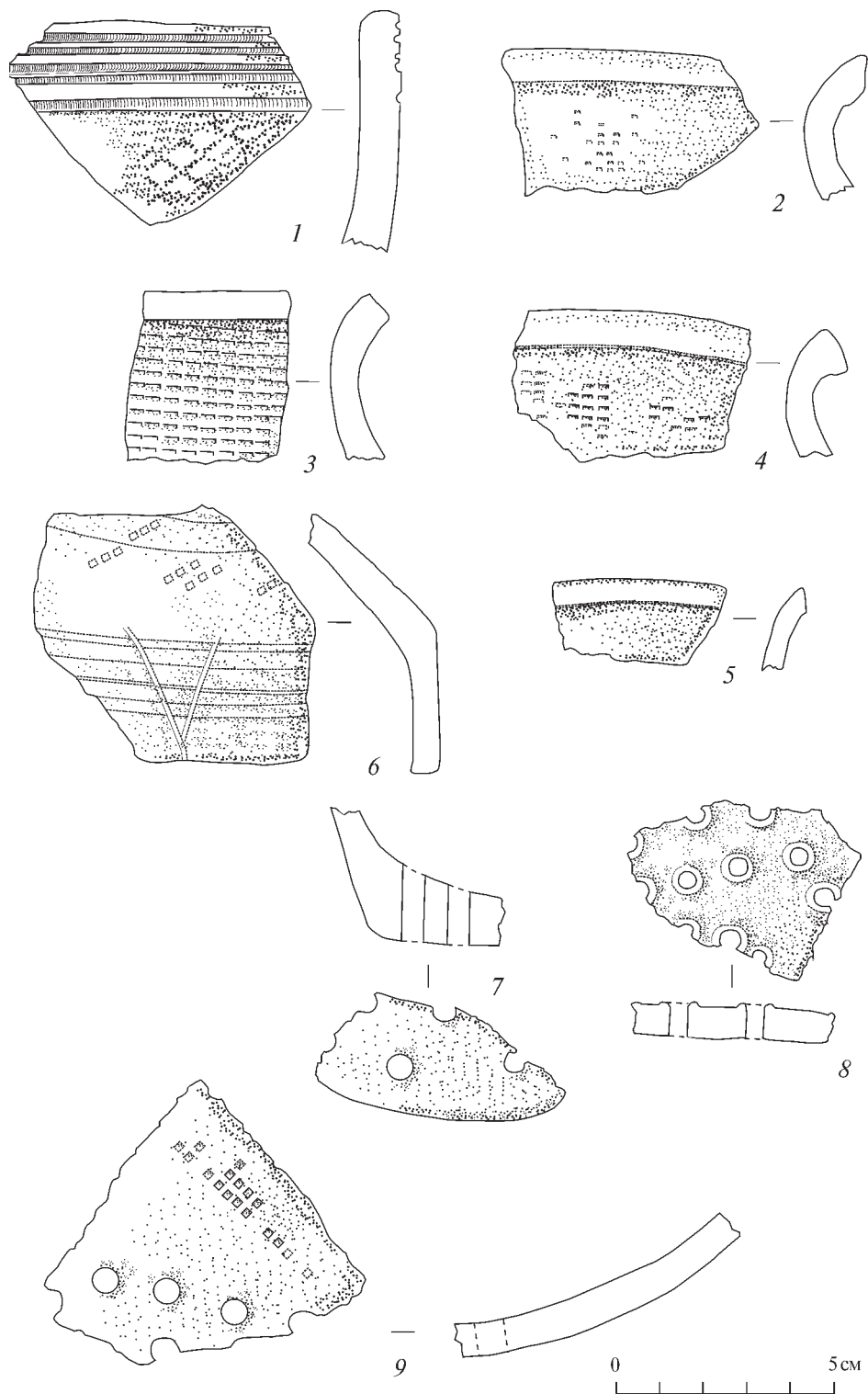

Рис. 4. Фрагменты стенок со следами «вафельной» выбивки из Николаевского городища.

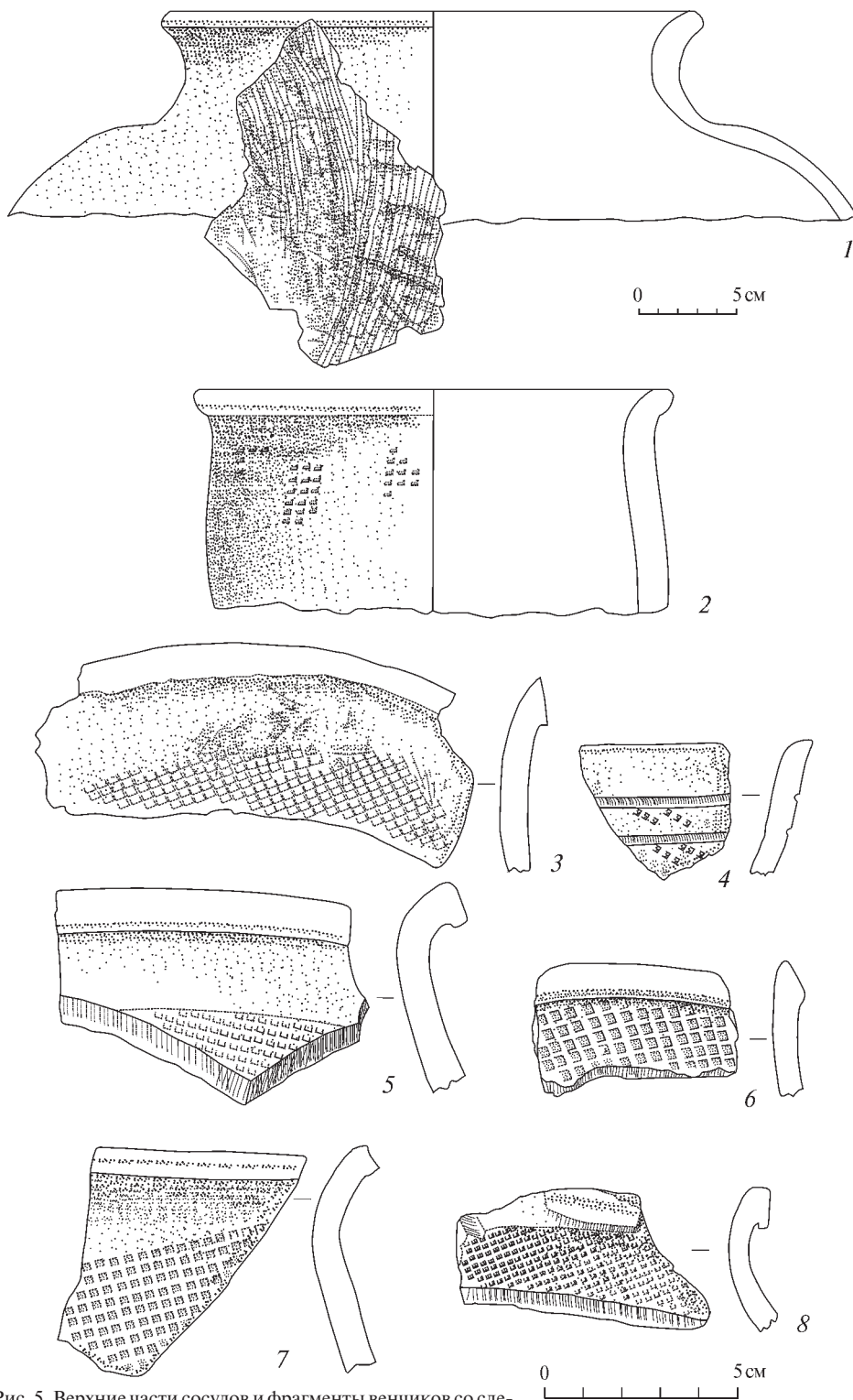

Рис. 5. Верхние части сосудов и фрагменты венчиков со следами «вафельной» выбивки из Смольнинского городища.

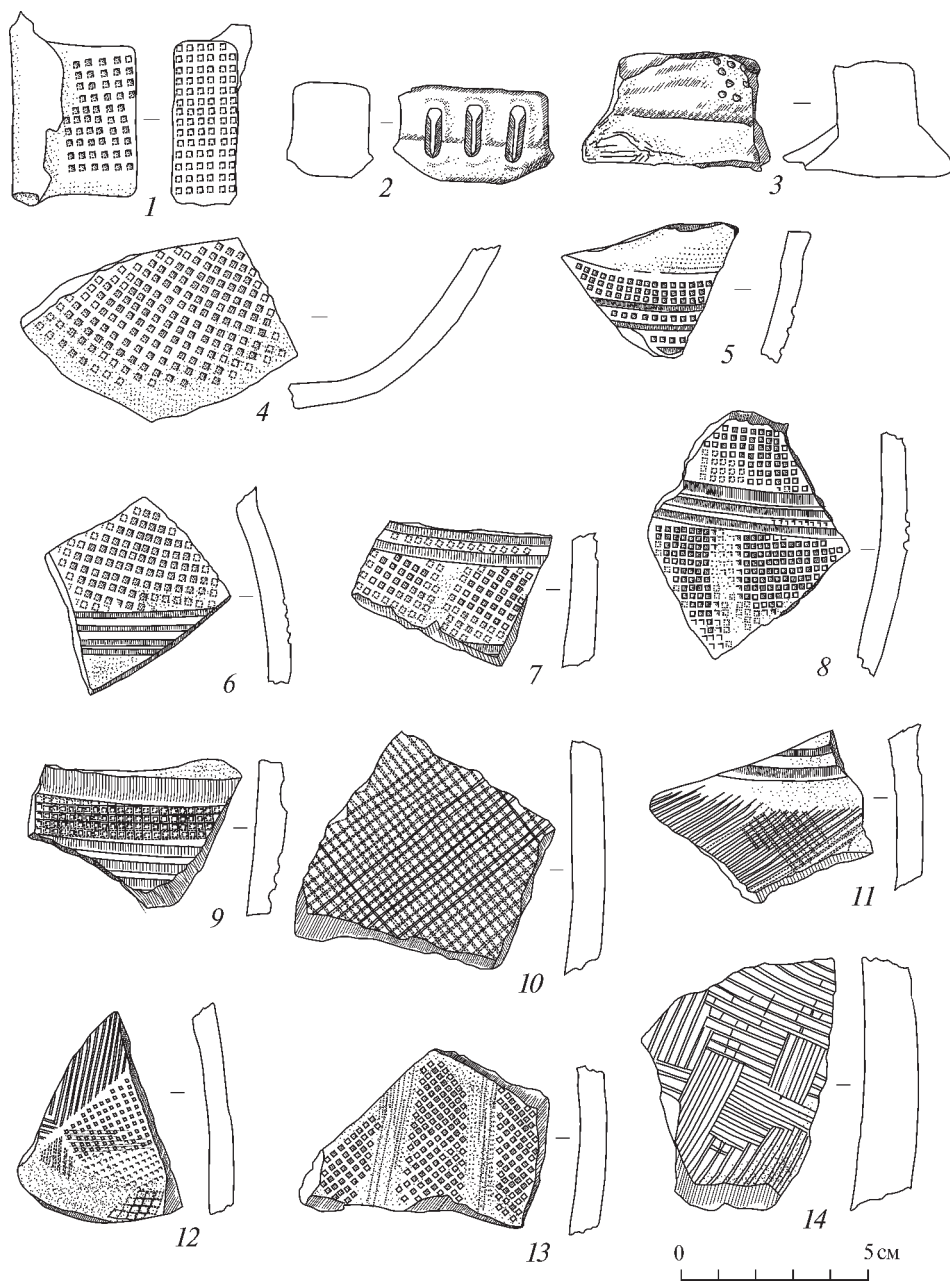

Рис. 6. Керамика со следами «вафельной» выбивки из Смольнинского городища: 1–3 — фрагменты ручек, 4 — фрагменты дна, 5–14 — фрагменты стенок с орнаментом.

(Никитин, 1997), а остальные являются подъемным материалом и имеют общие характеристики с материалом из слоя.

В 1997 и 1999 гг. также был собран подъемный материал на территории Смольнинского городища, найденный В.В. Василенко, который передал коллекцию в сектор средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (87 фрагментов с «вафельной»

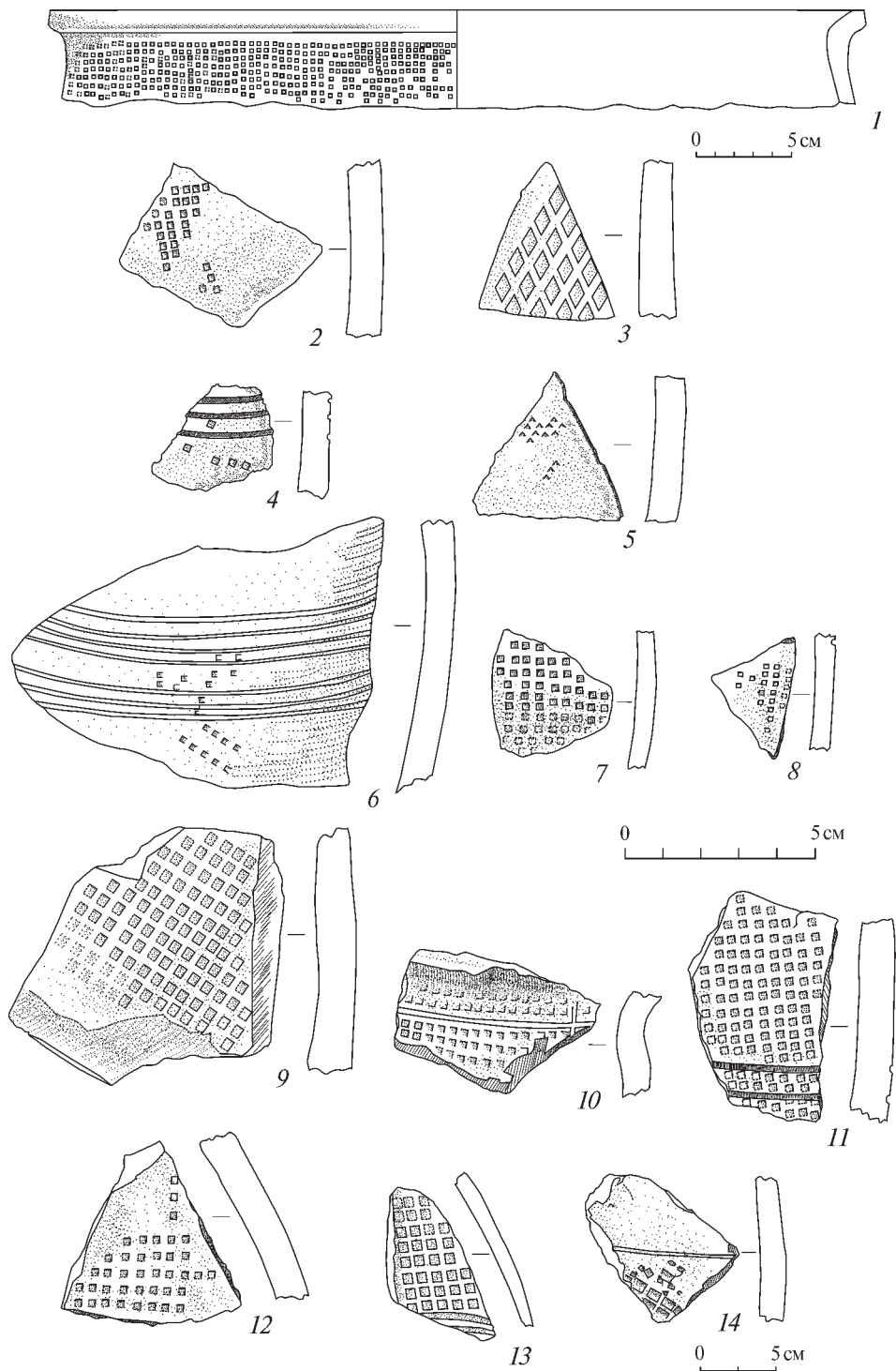

Рис. 7. Керамика со следами «вафельной» выбивки: 1–3 — из Чугуевского городища, 4,5 — из поселения Анучино-27, 6–8 — из городища Павловка-2, 9–14 — из Стеглянухинского городища.

выбивкой от разных сосудов). На памятник в том же году выезжали сотрудники сектора. Позднее городище было предложено раскапывать другому сотруднику института — В.Э. Шавкунову, где он вел археологические раскопки в течение нескольких лет (Шавкунов, 2005).

В 1996 г. получен немногочисленный материал из разведочного шурфа на городище Павловка-2 и собран подъемный материал на Чугуевском городище в Чугуевском районе Приморского края (Болдин, Никитин, 1996). На Павловке-2 найдено 110 фрагментов лепной и станковой керамики, из которых только станковая имела следы выбивки (30%). На Чугуевском городище собрано 50 фрагментов станковой керамики, из которой только небольшая часть имела следы «вафельной» выбивки (10%). В 2001 г. была также собрана керамика с «вафельной» выбивкой в качестве подъемного материала на Стекланухинском городище (21 фрагмент). В 2003 г. в Анучинском районе на поселении Анучино-27, расположенном на огородах на правом берегу р. Арсеньевки, В.В. Василенко был собран и передан в Институт истории подъемный материал в виде нескольких фрагментов с вафельной выбивкой.

Керамика с «вафельной» выбивкой, полученная из памятников разных районов Приморья, имеет очень близкие морфологические, орнаментальные, технико-технологические признаки, что дает возможность обобщить результаты исследований коллекций. Однако основой для исследования послужили материалы Николаевского и Смольнинского городищ как наиболее представительные.

Формовочные массы, формы сосудов и морфологические особенности керамики с «вафельной» выбивкой. Петрографические исследования проводились только для раннежурчжэньской керамики из Николаевского городища, выполненные канд. геол.-мин. наук Б.Л. Залишаком в Институте геологии ДВО РАН*. Она вся оказалась изготовленной из запесоченной каолинит-гидрослюдистой глины с однородной, средней алевритистой примесью и незначительным количеством песчаной составляющей (5–10%) гранитного состава. Глины отличаются от тех, которые были использованы гончарами предыдущих эпох, но имеют тот же гранитный песок. Однако они аналогичны глине, из которой изготовлена черепица, найденная на памятнике в районе раскопа 1997 г.

Визуальный анализ формовочной массы керамики с «вафельной» выбивкой из других памятников показывает большее разнообразие, что, скорее всего, связано с местными сырьевыми источниками. Тем не менее общей характеристикой для исследованной керамики является либо полное отсутствие грубых примесей, либо их незначительное количество, что более соответствует формовке техникой выбивки.

Археологически целых сосудов найдено не было, но встречались довольно крупные фрагменты венчиков (около 50 венчиков Николаевского городища и более десятка из Смольнинского городища), что позволило реконструировать верхние части некоторых форм керамических емкостей (рис. 1, 2:1–6; 5, 7:1). Среди них сосуды с выделенной горловиной — крупные типа корчаг (диаметр венчиков 32,8–48 см) и сосуды средних размеров, предположительно горшков и банок (диаметр венчиков 13–20 см). Но встречаются и фрагменты чаш и крышек (рис. 2:1,6; 5:4). Судя по тому, что на некоторых фрагментах днищ имеются отверстия, пароварки также встречались среди сосудов с «вафельной» выбивкой (рис. 2: 7–9). На Николаевском и Смольнинском городищах обнаружены фрагменты круглодонных экземпляров, что является особой характеристикой раннежурчжэньского керамического комплекса (рис. 2:9). В предшествующих культурах раннего железного века и средневековья на территории Приморья круглодонные пароварки не попадались.

* Приносим искреннюю благодарность Б.Л. Залишаку за выполненные петрографические исследования.

Форма венчиков сосудов с «вафельными» оттисками имеет свои особенности. Чаще всего среди венчиков, отогнутых наружу, встречаются с косо срезанным краем (рис. 1:1, 6; 2:2, 3, 5; 5:1, 3, 6). За ними следуют округлые с заостренной верхней кромкой или оттянутым вниз «хвостиком», трубчатые (по технике исполнения) с дополнительным моделированием, когда венчик в сечении мог иметь разную форму, прямые (от чаш и мисок) с округлым или слегка заостренным венчиком, слегка раздвоенные и проч.

Найдены 7 ручек, оформленных в виде уплощенных выступов (рис. 3:1—4; 6:1—3). Четыре из них прямоугольные в горизонтальном плане с почти сглаженными следами выбивки, а одна ручка имеет округлую форму, но без следов «вафельности». Ручки крепились к сосуду с подготовленными отверстиями с помощью глиняного штыря, формовавшегося вместе с ручкой, как в кроуновской керамике раннего железного века. После того как ручка вставлялась в отверстие, ее дополнительно примазывали изнутри и снаружи сосуда. Ручки могли иметь отверстия, или украшались тремя глубокими надрезами (рис. 2:2—4; 6:2).

Формовка и обработка поверхности. Все сосуды изготавливались на гончарном круге, собираясь ленточным налепом, что прослеживается на внутренней поверхности и в изломах черепков. В среднем ширина между спаями лент составляет 1,5—2 см. На следующей стадии формовки сосуды подвергались выбивке деревянной лопаткой-колотушкой с сетчатой нарезкой, оставлявшей прямоугольные, квадратные либо ромбические следы на внешней поверхности. В некоторых случаях удалось проследить ширину лопатки — около 5 см. Выбивка выполнялась до формирования венчика, поэтому на всех верхних частях сосудов следы этой операции доходят до самого венчика. Удары лопаткой многократно накладывались друг на друга, поэтому следы чаще всего выглядят смазанными.

Несомненно, что «вафельная» выбивка являлась результатом технологической операции, но вместе с тем сохранение следов выбивки носило декоративный характер. На части фрагментов можно отметить заглаживание и зачистку, осуществлявшиеся после выбивки. Тем не менее во многих случаях удалось установить размеры прямоугольных ячеек — следов нарезной поверхности лопатки-колотушки. Размеры углубленных «вафельных» отпечатков — самые разнообразные, но все же укладываются в определенные пределы. Изучение отпечатков с помощью лупы с 8-кратным увеличением и встроенной шкалой показало, что оттиски бывают трех форм: а) квадратные и ромбические с длиной стороны от 1,5 до 3,5 мм; б) прямоугольные размером от самых мелких 0,7×1,5 мм до 2×4,5 мм (в пределах этих размеров могут встречаться другие варианты).

«Вафельные» оттиски прослеживались не только под самым венчиком, но и до самого стыка стенок и дна сосудов, а иногда на поверхности некоторых днищ сосудов. Следы выбивки сохранились и на некоторых фрагментах пароварок с мелкими отверстиями (0,3—0,4—0,5—0,7 см), причем наплывы вокруг отверстий встречались не на всех экземплярах, а там, где они имелись, были более узкими, чем, например, на бохайских пароварках такого типа.

На некоторых фрагментах стенок сосудов есть следы лошения шириной до 6 мм на внутренней поверхности сосуда в виде косой сетки (рис. 4:3). Такой технологический прием нередко можно видеть на внутренней поверхности бохайской посуды, где лошение может выглядеть более разнообразно, но имеет такое же назначение — дополнительное уплотнение стыков лент и стенок.

Орнамент.

Тот факт, что следы обычной «вафельной» выбивки, покрывавшей всю поверхность сосудов, включая ручки, от самого венчика до стыка дна и тулова (реже и само дно), можно рассматривать как декоративный прием, находит подтверждение в использовании разнообразных следов выбивки. Иногда обычная

выбивка сочеталась с лощеными полосами на внешней поверхности сосудов — вертикальными, горизонтальными и их сочетанием (рис. 6:10, 11, 13). В иных случаях использовались другие виды нарезки на деревянной лопаточке-колодушке, оставлявшей различные следы: а) квадратные оттиски, образующие зигзаг или ёлочку, композицию в виде горизонтальных параллельных линий, в сочетании с «заштрихованными» треугольниками образующие широкие полосы, имитирующие переплетение (рис. 4:1, 2; 6:12, 14).

К другим видам углубленного орнамента относятся врезной, встречающийся на верхней поверхности ручек в виде тройных глубоких надрезов (рис. 3:2, 3; 6:2), а также прочерченный орнамент. Последний, в виде параллельных горизонтальных линий использовался для украшения околоречной части у чаш и крышек, а также на верхней части тулова, особенно часто — на стыке горловины и тулова (рис. 2:1, 6; 3:5—8; 5:4; 6: 5—9; 7:4, 6, 10, 11, 13, 14). Этот вид орнамента встречается на всех рассматриваемых памятниках. На фрагменте крышки из Николаевского городища была обнаружена прочерченная тамга (рис. 2:6).

Выпуклый орнамент на керамике с «вафельной» выбивкой встречен пока только на двух памятниках — Смольнинском и Николаевском городищах. На первом — в виде узкого валика на стыке горловины и тулова, на втором — в виде широкого валика, трапециевидного в сечении и располагавшегося в верхней части тулова (рис. 3:9).

Обжиг. Петрографические исследования образцов с Николаевского городища показали, что температура обжига у них не превышала 850°C. Визуальные наблюдения позволяют заключить, что в наиболее представительных коллекциях доля керамики с признаками восстановительного обжига превышает 60—70%. Вместе с тем керамики с признаками только окислительного обжига немного — менее 10%. Значительно больше сосудов обжигалось сначала в окислительной атмосфере, а в конце подвергалось дымлению (около 16—20%), что способствовало уменьшению пористости поверхностного слоя.

Для Николаевского городища следует особо выделить группу керамики, которая имеет серый черепок в изломе и тонкий коричневый/оранжево-коричневый на поверхности — до 12%. Если бы это было результатом пропитки грунтовыми водами с высоким содержанием оксидов железа или вторичный случайный обжиг, то цвет черепка на поверхности был бы в первом случае стабильно оранжевым, и в обоих случаях это бы отразилось на окраске поверхности изломов черепков, что не находило подтверждения. Поэтому более подходящее объяснение — быстрое охлаждение сосудов сразу после окончания обжига (Rye 1981: 118).

Обсуждение результатов. Таким образом, керамические коллекции ряда чжурчжэньских памятников Приморья имеют сходные технико-технологические и морфологические характеристики, а также декор. Это находит отражение в подборе формовочных масс, формовке и обработке поверхности, формах сосудов, оформлении венчиков и ручек, предпочтении некоторых видов орнамента. Вместе с тем можно отметить и наиболее значимые среди них — использование для формовки сосудов «вафельной» выбивки на круговой керамике, которая сохранялась либо прослеживалась у значительной части сосудов. Следы выбивки присутствуют на таких деталях сосудов, как днища круглодонных пароварок и ручки-выступы, преимущественно прямоугольные в сечении.

Такой выбор гончаров для формовки сосудов определялся, видимо, не просто традиционным использованием выбивки с нарезной лопаткой, не только сложившимися эстетическими представлениями, но и оправданной практикой с точки зрения свойств керамического сосуда со следами выбивки. Как показывают эксперименты по изучению свойств сосудов с негладкой поверхностью, они более устойчивы к сушке, обжигу и нагреванию в процессе приготовления пищи (Young, Stone 1990; Shiffer et al 1994).

Хотя при наличии немногочисленных данных вопрос происхождения представленной керамической традиции пока трудно рассмотреть детально, тем не менее самые общие черты прослеживаются уже сейчас. Почти на всех этих памятниках либо рядом с ними встречалась керамика польцевско-ольгинской и/либо кроуновской культур раннего железного века. Черты гончарства первой прослеживаются в раннечжурчжэньской керамике в виде «вафельной» выбивки, конфигурации некоторых венчиков и прочерченного орнамента; кроуновские черты проявились пока только в оформлении ручек-пеньков и некоторых венчиков. Нельзя не отметить и некоторых черт бохайского гончарства, что выразилось в использовании сходных форм сосудов, применении для выбивки нарезной лопатки, как на бохайских памятниках в долине р. Илистой, лощеного орнамента, включая технологическое лощение на внутренней поверхности, а также налепного орнамента.

Подводя итоги, следует отметить, что памятники, керамические коллекции которых мы рассмотрели выше, находятся в горно-таежной зоне Приморья — юго-западных предгорьях Южного Сихотэ-Алиня. Все они расположены в долинах горных рек Партизанской, Арсеньевки, Павловки, Уссури, Артемовки, вполне благоприятных для комплексного ведения хозяйства. Среди них имеются два типа памятников — поселения и городища, в том числе и те, которые имеют, вероятно, фортификационные сооружения более позднего времени.

В целом представленный обзор памятников и характеристика общей для них керамической традиции, компактный ареал их распространения позволяют сделать вывод о существовании с конца X в. и в период XI—XII вв. еще одной средневековой археологической культуры. Поскольку впервые она была прослежена по материалам Николаевского городища, то наиболее подходящее для нее название — николаевская культура. Несомненно, будущие исследования внесут коррективы в территориальные и хронологические рамки ее существования, уточнят круг памятников, относящихся к ней, умножат число источников.

ЛИТЕРАТУРА

- Болдин В.И., Никитин Ю.Г. Отчет об археологических разведках в Октябрьском, Уссурийском, Кавалеровском и Чугуевском районах Приморского края в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 20547. 255 л.
- Гуляев В.И. Проблемы изучения древних поселений в археологии: социологический аспект // Проблемы теории и методики в современной археологической науке. КСИА, № 201. М.: изд-во «Наука», 1990. 94—103.
- Ивлиев А.Л. Изучение истории государства Восточное Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и сопредельных территорий (Доклады V сессии Научно-проблемного совета археологов Дальнего Востока). Владивосток, 1993. С. 8—17.
- Никитин Ю.Г. О результатах археологических исследований в Октябрьском районе и на Николаевском городище в Партизанском районе Приморского края в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 21377. 267 л.
- Шавкунов В.Э. Жилище Смольнинского городища // Россия и АТР. Владивосток, 2005, № 2. С. 104—107.
- Young, Liza C., Stone, Tammy. The Thermal Properties of Textured Ceramics: An Experimental Study // Journal of Field Archaeology. Vol. 17, 1990. P. 195—203.
- Rye O.S. Pottery Technology.— Washington: Taraxacum Inc. 1981.
- Shiffer M.B., Skibo J.M., Boelke T., Neupert M.A., Aronson. New perspectives on experimental archaeology: surface treatments and thermal response of the clay cooking pot // American Antiquity, 1994, 59(2). P. 197—217.

SUMMARY: The Jurchen ceramics of Primorye is studied in detail by Candidate of Historical Sciences E. Gelman. The article is illustrated.